

3.3. К ВОПРОСУ О РЕАЛИСТИЧНОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ СОБЫТИЙ ИСТОРИИ МАЛАЙЗИИ XX В. В МАЛАЙСКОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА АБДУЛЛЫ ХУССЕЙНА «СЦЕПКА»)

Кукушкина Евгения Сергеевна

кандидат исторических наук, заведующая кафедрой филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии Института стран Азии и Африки МГУ, доцент

За последние несколько десятилетий представление о реализме как творческом методе сильно изменились. От исходного понимания принципа создания реалистического произведения как стремления отразить действительность литературоведы семиотической школы пришли к его дефиниции как определённой системы кодирования. Позднее, в эру господства постмодернистской мысли реализм начали трактовать как меметический метод не столько воспроизведения реальности, сколько ее пересоздания¹. Единого удовлетворительного описания реализма пока так и не возникло. Однако, само возникновение этих концепций говорит о том, что даже в самом реалистическом произведении связь между текстом и действительностью весьма сложна. Характер этой связи определяет образ автора, задающий идейный и эстетический посыл текста. При этом основная задача, стоящая перед автором, является коммуникативной: он создает произведение согласно своему взгляду на то, что изображает, и предлагает аудитории свой текст для прочтения, понимания и толкования².

С другой стороны, напряжение между реальной действительностью и картиной мира художественного произведения не мешает литературе, прежде всего реалистической, выступать одним из основных источников исторической памяти³. На разных этапах развития общества регуляторы памяти могут быть разными, но сама эта функция неизменно присуща словесности. Очевидным образом, в литературной сфере особую роль в сохранении памяти данной общности (народа, государства) принадлежит историческим жанрам. Они претерпевают свою эволюцию в ходе развития литературы, которое несет с собой изменения представлений о национальной истории, способах ее изображения, достоверности повествования, принципах отбора фактов и т.д. Однако противоречие между авторской субъективностью произведения и объективностью его функции хранителя памяти коллектива сохраняется и в современной словесности.

Роман «Сцепка» (*Interlok*) Национального литератора Малайзии Абдуллы Хуссейна (Abdullah Hussain, 1920–2014) представляет собой яркую иллюстрацию данного явления. Во-первых, несмотря на отсутствие общепринятой дефиниции реализма, «Сцепку» определенно следует считать реалистическим произведением. В этом отношении можно ориентироваться на позицию и интенцию писателя: Абдулла чрезвычайно серьезно относился к отражению действительности, достоверности описания событий и реалий, вводимых в его романы и рассказы. Он не без гордости отмечал «газетный» стиль своей прозы⁴, чему способствовал обширный журналистский опыт, приобретенный литератором во время работы в периодических изданиях Малайзии и Индонезии⁵. Писатель даже говорил о себе: «Я всего лишь рассказчик, я не литератор»⁶. Высказывалось мнение, что его проза относится к распространившемуся в 1960–1970-х гг. на Западе направлению нового журнализма, оставляя ощущение репортажности и личного присутствия автора при развитии сюжета. Неслучайно сам он признавал полубиографический характер многих своих романов и рассказов, выводил в них реальных людей – своих родственников и знакомых, или давал героям их имена. Если собственного жизненного опыта когда-то не хватало, Абдулла изучал вопрос по книгам, музейным коллекциям и информации очевидцев или специалистов. По его убеждению, это было необходимо: «Для создания образа, который мы хотим вывести, сначала нужно провести исследование. Нельзя писать абы что, иначе читатель не узнает в нем человека из плоти

¹ Полубояринова Л.Н. Понятие реализма в истории литературы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2007. Вып.3. С. 57–62.

² Бабенко Н.Г. Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодерна. Москва, 2016. С. 12–13.

³ Мазур Л.Н. Образ прошлого и формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013, № 3 (117). С. 246–247.

⁴ Hussain A. Diwawancara Zaiton Ajamain // Jambak 3. Proses Kreatif Pengarang Melayu. Diselenggarakan oleh Ahmad Kamal Abdullah, Zaiton Ajamian. Kuala Lumpur, DBP, 1997. Ms. 13.

⁵ Mohd. Thani Ahmad, Sarah Sadon, Suhaimi Haji Muhammad. Wajah. Biografi Penulis. Edisi Kedua. Kuala Lumpur, DBP, 1988. Ms. 80–82; Rosnah Baharudin. Autobiografi Abdullah Hussain: perjalanan panjang seorang pengarang Melayu. Eseminar Dewan Bahasa dan Pustaka. N.d. Ms. 25
[\[file:///C:/Users/Nikita/Downloads/15%20Kertas%20kerja%20Rosnah%20Baharudin.pdf\].???????](file:///C:/Users/Nikita/Downloads/15%20Kertas%20kerja%20Rosnah%20Baharudin.pdf)

⁶ Azrul AzliZarul Fuad. Interlok.
<https://beritahusedikit.wordpress.com/2011/01/17/sebuah-penghormatan/> (посещение 22.12.17).

и крови»⁷.

Стоит отметить, что предполагающие жизненную достоверность биографический и автобиографический жанры были особенно близки Абдулле. Помимо романов и рассказов он написал биографии трех известных деятелей культуры Малайзии, а также выпустил автобиографию в четырех книгах⁸. Показательно, что стремление писателя как можно адекватнее отразить события, которые он наблюдал, даже вызвало критику ряда малайзийских литературоведов. Высказывалось мнение, что его четырехтомник – не автобиография, а мемуары, так как больше внимания в них уделяется точности событийной канвы, нежели внутренним переживаниям автора⁹.

Наконец, если Абдулла-писатель старался всегда быть верным жизненной правде, то Абдуллу-переводчика стремление к достоверности парадоксальным образом заставляло допускать вольности в работе. Он чрезвычайно скрупулезно подходил к мельчайшим деталям оригинального текста и их передаче в переводе, однако если что-то в оригинале казалось ему ошибочным, он считал необходимым исправить это в переводном тексте или вообще выбросить¹⁰.

Создание реалистического произведения на момент появления «Сцепки» не было для малайской литературы новаторством. Первым образцом малайской реалистической романистики принято считать роман «Салина» А. Самада Саида, опубликованный в 1960 г. Это замечательно нарисованная картина жизни бедного квартала послевоенного Сингапура, обнажающая острые социальные проблемы. Однако «Салина» не охватывает временной промежуток почти в полвека и не ведет сюжет к большим обобщениям исторического характера. Это сделал в своем романе Абдулла Хуссейн. «Сцепка» была издана в 1971 г., а написана несколькими годами раньше. Абдулла в 1967 г. представил свой роман на конкурс в честь 10-летия независимости Малайзии (и получил утешительную премию). Как всякие переломные времена, десятилетия перед и после достижения независимости стимулировали подъем исторических жанров. Но большинство исторических романов, рассказов и пьес, возникших на этой волне, сосредотачивались на отдельных личностях или событиях. Осмысление периода, на протяжении которого Британская Малайя шла к тому, чтобы превратиться в Малайзию, оказалось по силам только Абдулле.

Важно, что созданием панорамы жизни накануне больших перемен писатель не ограничился. Он описал развитие межэтнических отношений, а это один из самых щепетильных вопросов для страны, где почти половину населения составляют потомки иммигрантов, – китайцы и индийцы – а за малайцами и аборигенным населением закреплены особые права¹¹. На разработку этой темы решается совсем не каждый писатель Малайзии. По глубине исследования проблемы роман Абдуллы Хуссейна уникален. Правда, эта уникальность со временем обернулась для автора тяжелыми испытаниями, о чем будет сказано ниже.

«Сцепка» – высокохудожественное произведение с многоходовым и многоплановым сюжетом, прихотливым переплетением линий главных героев. Композиция также сложна и одновременно четко структурирована. В романе 4 части. Каждая из первых трех повествует о жизненных перипетиях одного из основных персонажей – малайца, китайца и индийца. В этих частях завязываются отношения героев, чтобы затем на какое-то время прерваться. В заключительной четвертой части, которая носит то же название, что весь роман («Сцепка»), Абдулла сводит героев вместе, и они вступают в активное взаимодействие.

Содержание первых трех разделов произведения вкратце таково:

1-я часть – «Семья Семана». Семан – деревенский парень из состоятельной по малайским меркам

⁷ Hussain A. Diwawancarai Zaiton Ajamain // Jambak 3. Proses Kreatif Pengarang Melayu. Diselenggarakan oleh Ahmad Kamal Abdullah, Zaiton Ajamain. Kuala Lumpur, DBP, 1997. Ms. 18–19.

⁸ Mohd. Thani Ahmad, Sarah Sadon, Suhaimi Haji Muhammad. Wajah. Biografi Penulis. Edisi Kedua. Kuala Lumpur, DBP, 1988. Ms. 80–82; Rosnah Baharudin. Autobiografi Abdullah Hussain: perjalanan panjang seorang pengarang Melayu. Eseminar Dewan Bahasa dan Pustaka. N.d. Ms. 25.
[\[file:///C:/Users/Nikita/Downloads/15%20Kertas%20kerja%20Rosnah%20Baharudin.pdf\].????](file:///C:/Users/Nikita/Downloads/15%20Kertas%20kerja%20Rosnah%20Baharudin.pdf)

⁹ *Berita Harian*, 25.10.2010.

¹⁰ В 1960-х гг. Абдулла работал переводчиком в авторитетном издательстве Oxford University Press и познакомил читателя с творчеством ряда крупнейших англоязычных литераторов – Дж. Стейнбека, Э. Хэмингуэя, Перл С. Бак. Seriously подходу к передаче художественных особенностей оригинала, его смысловых нюансов и реалий, писатель ожидал того же и от переводимых им авторов. Обнаруживая в исходном тексте действительные или мнимые неточности, Абдулла мог просто их выбросить (см. Hussain A. Diwawancarai Zaiton Ajamain // Jambak 3. Proses Kreatif Pengarang Melayu. Diselenggarakan oleh Ahmad Kamal Abdullah, Zaiton Ajamain. Kuala Lumpur, DBP, 1997. Ms. 24–25).

¹¹ Ст. 153 Конституции Малайзии закрепляет за малайцами как коренным населением страны (вместе с аборигенными народностями Малаккского полуострова и Северного Борнео) особые права в виде пользования выделяемыми только для них резервными землями, возможности по специальным квотам занимать должности в государственном секторе экономики и управленческом аппарате, стипендий на получение высшего образования, приобретения лицензий на предпринимательскую деятельность (Undang-Undang Malaysia. Perlembagaan Persekutuan. Mengandungi Pindaan Terkini – P.U. (A.) 164/2009. Ms. 162–165).

семьи. В день кончины отца он узнает, что все их имущество на деле им не принадлежит. Выясняется, что отец юноши Муса, который вел дела с местным китайским торговцем по прозвищу Длинный, по неграмотности подписал тому векселя на огромные суммы. Китаец заявляет свои права на заливное поле, плодовые деревья и скот, требуя также, чтобы парень с матерью съехали из дома, в котором живут. Односельчане сочувствуют Семану, но оспорить бумаги никто не может. Семан пытается смягчить Длинного, однако тот неумолим. Надежды юноши на спокойную жизнь в родной деревне и счастливую женитьбу идут прахом. Не желая обременять соседей, которые готовы поселить у себя оставшуюся без крова семью или построить для нее новый дом, Семан с матерью неожиданно исчезают из деревни.

2-я часть – «Семья Чин Хуата». В начале повествования маленького Чин Хуата забирает с собой отец, вынужденный покинуть родную деревню на юге Китая в поисках лучшей жизни. Тяжелый и упорный труд в Сингапуре, а затем на материке приносит деньги, на которые отцу и сыну удается открыть лавку. Повзрослевший Чин Хуат женится, а отошедший от дел отец пристращается к опиуму и умирает. За высокий рост Чин Хуат получает прозвище Длинный. В его магазине отовариваются жители окрестных деревень, нередко занимая у него деньги. Лавочник не одобряет своего второго сына Ю Сена, который водится с малайцами и не интересуется торговлей. Конфликт достигает пика, когда Ю Сен заступает перед отцом за своего приятеля, малайца Семана, пришедшего просить отсрочки платежа по векселям отца. Чин Хуат избивает сына, и тот бежит из дома.

3-я часть – «Семья Маниама». Тамил Маниам работает в порту Пинанга. Тем временем деревенский богатей, через которого он посылал жене в Индию деньги, присваивает их, и вынуждает голодающую женщину стать его наложницей. Потрясенный Маниам уезжает работать на каучуковой плантации. Там он находит новую любовь и женится. Однако на плантацию является земляк Маниама Суппия, который клеветает, что тот намеренно бросил дома без средств первую жену. Рабочие прогоняют Маниама, ему лишь обещано, что жена приедет к нему после родов. По пути с плантации он едва не гибнет: на него нападают, но его спасает малаец Муса. Вместе с Мусой он нанимается на работу в другом месте. Его жена рождает сына, но тесть не передает ей писем от Маниама, и она не может с ним соединиться. Суппия совершает новое злодеяние, овладев ей силой. Женщина кончает жизнь самоубийством. Клевету Суппии разоблачает другой земляк Маниама, но найти того уже не могут.

Так Абдулла Хуссейн подготавливает развязку сложного сюжета, которая происходит в заключительной части. В первых трех автор наметил точки схождения биографий героев. Действие происходит на тщательно выписанном бытовом и историческом фоне. Подробные описания как таковые в тексте редки, однако множество деталей, упоминаемых к месту и с большой точностью, сразу воссоздают общую картину.

В первой части фоном выступает малайская деревня довоенной поры: дома на сваях с верандами, куда надо подниматься по лестнице, темные комнаты с маленькими окошками, почти не пропускающими свет, с циновками и продолговатыми подушками на полу; кухонные пристройки, курятники, пыльные дорожки. Жители деревни выходят работать в поле, делают домашнюю работу, на досуге сидят на веранде или на пороге кухни, сворачивают порции бетеля для жевания. При необходимости зовут местного шамана, который заговаривает воду и снадобья для больных. В темноте люди передвигаются по деревне с факелами, в домах пользуются керосиновыми лампами. Ходят за товарами в лавку к китайцу, у которого привыкли брать взаймы. Случись в деревне смерть – собираются соседи, как происходит, когда умирает отец Семана: «Для жителей деревни этот день стал выходным. Сегодня те, кому надо было работать, не работали ... По их понятиям покойного надо было посетить, следовало оповестить как можно больше народа, участвовать в подготовке тела умершего, за которого должны были молиться как можно больше людей. Чем больше народу молится, тем больше благодеяний числится за умершим, тем больше облегчаются его грехи¹²». Все это быт, обычаи и простая философия, очень знакомые Абдулле, который родился в одной из деревень самобытного северо-западного штата Кедах¹³.

Так же явственно предстает перед читателем и система социальных отношений в деревне. Особым уважением пользуются деревенский староста (*penghulu*) и служба (*lebai*) местной мечети. С ними советуются в затруднительных ситуациях, как это делает Семан. Зажиточный селянин и его семья тоже почитаемы и держатся подобающе. Имеет вес и образованный человек, например, учитель. Однако сами малайцы еще наследовали от своих отцов большое предубеждение к светскому образованию: они опасались, что школа подорвет веру юных мусульман, не хотели отпускать своих детей на занятия во время сельскохозяйственных работ, не желали лишних трат на учебники и одежду¹⁴. Беда с отцом Семана, а потом и с ним самим, случилась именно из-за неграмотности. Не умея читать и писать, отец и сыну не разрешил посещать школу. Однако со временем это сделало Семана беспомощным перед лицом обмана.

¹² Hussain A. Interlok. KL, 1971. Ms. 41.

¹³ Mohd.Thani Ahmad, Sarah Sadon, Suhaimi Haji Muhammad. Wajah. Biografi Penulis. Edisi Kedua. Kuala Lumpur, DBP, 1988. Ms. 80–82; Rosnah Baharudin. Autobiografi Abdullah Hussain: perjalanan panjang seorang pengarang Melayu. Eseminar Dewan Bahasa dan Pustaka. N.d. Ms. 11–12 & [\[file:///C:/Users/Nikita/Downloads/15%20Kertas%20kerja%20Rosnah%20Baharudin.pdf\].????????](file:///C:/Users/Nikita/Downloads/15%20Kertas%20kerja%20Rosnah%20Baharudin.pdf)

¹⁴ Roff William R. The Origins of Malay Nationalism. Kuala Lumpur, 1994. P. 26.

Из внутренних монологов и диалогов героев, из сжатых точных описаний их поступков складывается картина дружеских и семейных отношений, общения ровесников и т.д. Абдулла Хуссейн создает у читателя ощущение, что тот знаком и с деревней Ньиур Чондонг, где происходит действие, и с персонажами романа. Впрочем, применительно к первой («малайской») части произведения это кажется естественным, поскольку писатель прекрасно знал жизнь сельской глубинки, откуда сам был родом. Однако вторая и третья части не уступают первой в правдоподобию и верности историческому фону.

Подобно тысячам выходцев с юга Китая, в год неурожая снимается с места Ким Лок, отец Чин Хуата, главного героя второй части романа. Решиться на путешествие его заставляет земляк, явившийся домой при деньгах с рассказами о том, «как легко зарабатывать в странствиях», ведь «везде есть деньги, были бы только мы прилежны и трудолюбивы»¹⁵. Мать Чин Хуата остается дома у родительских могил, ожидая вызова от мужа. Среди приехавших в Малайю на заработки, действительно, значительно преобладали мужчины – совсем не все имели возможность взять с собой жен¹⁶.

Каждый отрезок путешествия, каждый эпизод пребывания отца и сына на малайской земле описан со знанием дела и реалий жизни китайцев. Обрисованы тяготы длительного пешего перехода из родной деревни до порта Сямынь, а затем плавания через Гонконг до Сингапура. Абдулла был в курсе сложных отношений между выходцами из разных провинций, знал любовь китайцев к азартным играм, хорошо представлял себе, как был организован труд эмигрантов в Малайе.

Как многие из них, Ким Лок становится жертвой обмана вербовщика, у которого оказывается в долговой кабале. Китайцы непрерывно тяжело трудились, и этот труд описывает Абдулла: Ким Лок работает рикшей и золотарем, Чин Хуат – подручным в кафе. Затем они перебираются на оловянный прииск. Большинство китайцев ввозилось британцами в колонию именно для такой работы¹⁷. У Абдуллы были собственные воспоминания, на основе которых он мог рассказать о быте оловодобытчиков: после окончания средней школы он некоторое время заведовал складом на оловянной карьере¹⁸. Его герои расчищают лес, живут в поделенном на каморки бараке, ночами со страхом слушают рык тигра. Хорошо зарабатывая, Ким Лок мечтает о большем: «Его мечта не сбудется, если он будет сидеть на жалованье и работать на других как кули. Он хотел сам стать предпринимателем...»¹⁹.

Рассказывая о дальнейших событиях, Абдулла показывает, что отлично представлял себе типичный путь китайца в Малайе не только в бедности, но и в богатстве. Разбогатевший Ким Лок заводит содержанку и пристращается к опиуму. Употребление опиума было широко распространено среди всех народов колонии, однако с начала XIX в. его курение «стали считать чем-то специфически китайским»²⁰. В романе скрупулезно описывается способ употребления опиумной субстанции (*candu*)²¹.

Не меньшая точность свойственна многочисленным деталям повествования, связанным с китайскими традициями и обычаями. При известии о кончине в Китае матери Чин Хуата члены семьи одеваются в грубую ткань в знак траура. В день помолвки юноши семье невесты посылается необходимый набор сладостей и подарков. Свадьба устраивается согласно китайскому церемониалу. Абдулла подробно описывает убранство помещения, наряды молодых и сам свадебный обряд. Точно так же поступает писатель и в эпизодах, посвященных смерти Ким Лока и его похоронам.

В емких деталях и характерных картинках предстает перед читателем и повседневная жизнь взрослого Чин Хуата – лавочника по прозвищу Длинный. Лавка и торговля – средоточие его жизни. В минуту отдыха он сидит в кресле под вывеской, обмахиваясь веером – тучный, потный и довольный жизнью. Здесь находит его Семан с просьбой пересмотреть платежи по векселям отца. В лавке же начинается скандал с участием второго сына, заступившегося за Семана. Здесь Абдулла оставляет своих персонажей в состоянии острого конфликта в концовке второй части.

¹⁵ Hussain A. Interlok. KL, 1971. Ms. 84.

¹⁶ Fernandez, Dorothy Z., Hawly, Amos H. & Predaza, Sylvia. The Population of Malaysia. C.I.C.R.E.D. Series. N.p., 1975. P. 7.

¹⁷ Low Kelvin E.Y. Chinese Migration and Entangled Histories: Broadening the Contours of Migratory Historiography // Journal of Historical Sociology. Vol. 27, No. 1, March 2014. P. 80–81.

¹⁸ Mohd. Thani Ahmad et al. Wajah. Biografi Penulis. Kuala Lumpur, 1988. Ms. 80.

¹⁹ Hussain A. Interlok. KL, 1971. Ms. 128.

²⁰ Trocki Carl A. Opium, Empire and the Global Political Economy: A Study of the Asian Opium Trade. 1750–1950. London–New York, 1999. P. 35. Торговля опиумом и его производство на местных фермах составляли основную статью дохода и его источник для британских колониальных властей с начала 19 века до 1910-х годов (См. Ern Chen Loo & Mc Kerchar, Margareth. The Impact of British Colonial Rule on the Malaysian Income Tax System // eJournal of Tax Research, 2014. Vol. 12, № 1. P. 241–243).

²¹ Знание писателем деталей процесса очевидно из сравнения описания реальной процедуры курения опиума и соответствующего эпизода из «Сцепки»: см. Trocki Carl A. Opium, Empire and the Global Political Economy: A Study of the Asian Opium Trade. 1750–1950. London–New York, 1999. P. 36; Hussain A. Interlok. KL, 1971. Ms. 137.

Не менее насыщено культурными и бытовыми реалиями повествование о третьем главном герое «Сцепки». Южные индийцы также во множестве приезжали в Малайю на заработки. Тамил Маниам в романе – уроженец деревушки под городом Тричур в штате Керала. Он отплывает в Малайю под ритм таблы и пение в компании таких же бедняков со скудной поклажей в виде циновки и железного ящичка для денег, который на ночь приходится класть под голову. По ходу развития действия выясняется, что путь индийского эмигранта знаком Абдулле не хуже, чем история приезжих китайцев.

Пинанг радует Маниама пейзажами, схожими с видами его родных мест, и возможностью везде встретить земляков. Улица Питт-стрит в центре столицы острова, города Джорджтаун, постоянно полна индийцами. У них есть излюбленные места встреч – кафе, где они едят, оставляют на хранение свои ящички с деньгами и играют в карты. С помощью земляков Маниам устраивается на работу грузчиком в порт, а после получения трагических вестей о жене перебирается на материк, нанявшись рабочим на плантацию. Именно в плантационном хозяйстве была занята основная масса приезжих индийцев²². Читателю сжато, но с необходимыми подробностями рассказывается о бытовых условиях, распорядке дня и работе на плантации. В половине пятого утра по звонку сикха-охранника все встают, второй звонок торопит позавтракать и подготовиться к трудовому дню, третий – вызывает на работу. Мужчины копают канавы, женщины срезают траву. В ручье за бараками стирают белье. У конторы стоят люди, чтобы наняться на работу. Легко представить себе степенного бригадира с его бамбуковым посохом и подкрученными вверх усами, или чванного носатого белого управляющего, который с брезгливым опасением относится к рабочим.

Когда происходит свадьба Маниама, обряд описывается не менее детально, чем церемония бракосочетания Чин Хуата.

С плантации, каких были сотни в Британской Малайе, уходит оклеветанный Маниам в конце третьей части навстречу новым испытаниям.

Итак, три части романа «Сцепка» демонстрируют очевидные реалистические черты. Они не просто достоверно воссоздают этнокультурную и языковую мозаику довоенной колонии. Абдулла Хуссейн подчеркивает важнейшее обстоятельство, во многом унаследованное независимой Малайзией. Три основные этнические группы существуют достаточно замкнуто друг от друга, каждая разрабатывает свою экономическую нишу. В результате общины селятся отдельно друг от друга, и ситуация в целом «ведет к сохранению культурной разобщенности общинных групп»²³. С большей или меньшей жесткостью каждая из них отстаивает свою самобытность и борется за материальное благополучие, ограждая свою культуру и традиции. Китайцы и индийцы ввозились в страну для работы в более современных и динамичных отраслях экономики, что заведомо давало им фору перед малайцами, традиционно сельскими жителями. Такое положение вещей постоянно подпитывало предрассудки и подозрительность в отношении друг друга, порождало напряжение. Малайцев возмущало, что доходы иноземцев значительно выше их собственных. Китайцы и индийцы свысока смотрели на малайцев с их патриархальным жизненным укладом. «Доминирующее положение китайцев в экономике, особенно в торговле, привело к возникновению стереотипа в сознании малайца: китаец алчен, хитер, к тому же “неверный”. В массе же китайского (в меньшей степени индийского) населения складывался и стереотип малайца: ленив, легкомыслен, бесхозяйственен, лицемерен»²⁴. Все это нашло отражение на страницах романа.

В первой части деревенский староста раскрывает Семану обман Чин Хуата. Британцы приняли закон, согласно которому земли Малайи не могли продаваться эмигрантам. Чтобы обойти это ограничение, предприимчивый китаец мог ссудить малайца деньгами на покупку надела. «Дядя Муса купил эти земли на свое имя, так? И на деньги китайца Длинного, верно? – спрашивает староста и объясняет: – За сколько он купил? Скажем, это заливное рисовое поле стоит пятьсот ринггитов, а лавочник Длинный велел Дяде Мусе подписать долговое письмо, в котором говорится, что он должен три тысячи...»²⁵. Он не произносит гневных тирад в адрес Чин Хуата, однако тот несомненно выступает здесь главным отрицательным персонажем.

В свою очередь сам Чин Хуат испытывает неприязненные чувства к малайцам. Как многие другие китайцы, эмигранты в первом поколении, он мечтает о том, чтобы отвезти в Китай детей, и со временем

²² Абдулла Хуссейн сообщает, что его герой прибыл в Малайю в 1910 году (Abdullah Hussain. Interlok, Kuala Lumpur, Dewan Bahasa dan Pustaka, 1971. Ms.169), а именно в период с 1901 по 1911 годы «расширение каучуковых плантаций шло чрезвычайно быстро и сильно рос спрос на рабочую силу. К 1921 году индийцы составляли 70 процентов обитателей плантаций и 15 процентов всего населения» (Fernandez, Dorothy Z., Hawly, Amos H. & Predaza, Sylvia. The population of Malaysia. C.I.C.R.E.D. Series. N.p., 1975. P. 3).

²³ Fernandez, Dorothy Z., Hawly, Amos H. & Predaza, Sylvia. The population of Malaysia. C.I.C.R.E.D. Series. N.p., 1975. P. 4

²⁴ Тюрин В.А., Цыганов В.А. История Малайзии. XX век. Москва, Институт востоковедения РАН, 2010. С.324

²⁵ Hussain A. Interlok. KL, 1971. Ms. 64–65.

упокоиться там рядом с матерью²⁶. К малайцам он относится с высокомерием и презрением: они «не умеют торговать, только покупать»²⁷, он против дружбы сына с малайскими ровесниками, потому что боится, как бы того «их лень не заразила»²⁸: «Не хочу, чтобы они были, как *хуан на*²⁹. Ты посмотри, да что с них взять. Кабы мы сюда не приехали, не знаю, как они выжили бы»³⁰.

Голос индийской диаспоры звучит мягче, но тоже вполне определенно. Когда на плантации, где трудится герой, становится больше детишек, рабочие желают открыть для них школу с преподаванием на тамили («Наших детей надо учить нашему языку...Им надо рассказывать о нашей стране и народе. Если их не обучать, они забудут страну своих дедов»³¹). Когда управляющий предлагает им отправить детей в малайскую школу, то получает ответ: «Но эта школа для малайцев, а мы не хотим, чтобы наши дети стали малайцами. Мы хотим, чтобы они оставались тамилами и когда-то вернулись в Индию»³².

Таким образом, герои Абдуллы Хуссейна – не просто очень разные люди, они представляют собой три разных общины, имеющих разную историю даже на местной почве, не говоря уже о разных языках, вере и обычаях. В четвертой части автор сплетает их судьбы, стремясь отразить в них судьбу молодой Малайзии. Эта задача определенным образом сказывается на принципах изображения исторических событий в романе.

На первый взгляд, подход Абдуллы к изображению действительности сохраняется. Но на деле четвертая часть стоит особняком. Внешне автор продолжает придерживаться принципа достоверности, однако это уже не вполне так.

Заключительная часть настолько насыщена событиями, что сжато пересказать ее содержание практически невозможно. Главный итог развития сюжета – осознание всеми героями необходимости сообща строить новую независимую Малайзию.

Прежде инертный Семан вовлекается в националистическое движение с помощью своего друга-активиста. Так происходит после того, как в стране вновь утверждается британская администрация, которая попыталась реализовать концепцию Малайского Союза. Это предполагалось сделать путем «откровенного сохранения колониальной власти, даже отбросив «косвенную» систему управления, хотя и существовавшую в значительной степени формально, но создававшую иллюзию (в сознании малайского населения) сохранения традиционной власти»³³. Султанов штатов вынудили подписать новые договоры с Британской короной, согласно которым они уступали ей все права³⁴. Семан вместе с односельчанами становится противником идеи Малайского Союза: «Это уж слишком. Если они обманывают наших раджей, мы не можем этого позволить»³⁵. С этого момента Семан, его жена и тесть, соседи регулярно участвуют в многочисленных митингах.

Несколько иначе происходит изменение воззрений упрямого и жесткого Чин Хуата, который поначалу ничего не хочет знать о делах малайцев. Однако жизнь не дает ему закоснеть в деляческих интересах и смутной ностальгии по Китаю. Впервые он начинает жалеть о своем отношении к малайцам во время японской оккупации. Япония воевала с Китаем, и Чин Хуат был из тех, кто щедро жертвовал средства

²⁶ Многим китайцам и индийцам удавалось воплотить мечту о возвращении домой. Активный приток эмигрантов компенсировался их достаточно интенсивным выездом (Fernandez, Dorothy Z., Hawly, Amos H. & Predaza, Sylvia. The population of Malaysia. C.I.C.R.E.D. Series. N. p., 1975. P. 6–7.).

²⁷ Hussain A. Interlok. KL, 1971. Ms. 131.

²⁸ Ibid. Ms. 155.

²⁹ Пренебрежительное «туземец» на фучзяньском диалекте, относилось к малайцам.

³⁰ Hussain A. Interlok. KL, 1971. Ms. 155.

³¹ Ibid. Ms. 225.

³² Ibid. Ms. 226.

³³ Тюрин В.А., Цыганов В.А. История Малайзии. XX век. М., 2010. С. 178.

³⁴ Реформы с целью создания Малайского Союза ставили целью укрепить и централизовать систему колониального управления. До войны на территории Малаккского полуострова существовало три типа колониальных владений – непосредственно подчиненные Короне так называемые *Поселения в проливе (Straits Settlements)*, а также Федерированные и Нефедерированные штаты, управлявшиеся формально «косвенно», через резидентов и советников. Эти три типа имели соответствующие особенности административного аппарата. Султаны Федерированных и Нефедерированных княжеств номинально признавались их правителями, а местное население – их подданными. В ведении правителей находились вопросы местных обычаев и религии (См.: Тюрин В.А., Цыганов В.А. История Малайзии. XX век. М., 2010. С. 119–124]. Создание Малайского Союза предполагало отказ султанов даже от формальной самостоятельности, народы Малайи делались прямыми подданными королевы Британии, султаны лишились решающего голоса даже в делах обычаев и религий, получив лишь совещательный статус. Главой единой колонии становился английский губернатор (Ibid. С. 177–181).

³⁵ Hussain A. Interlok. KL, 1971. Ms. 318.

на армию Гомиьндана. Малайцы же поначалу подпали под влияние японского лозунга совместного азиатского процветания, и некоторые из них даже были готовы выдавать китайцев японцам. При японцах малайцы получают возможность отомстить китайцам за экономические притеснения: их банды грабят лавки, в том числе магазин Чин Хуата.

Страхи лавочника растут, когда выясняется, что непокорный сын Ю Сен воюет в отряде прокитайской коммунистической партии Малайи. После войны он и его соратники выходят из подполья лишь ненадолго, чтобы затем вновь уйти в джунгли и воевать уже с гражданской колониальной властью. Чин Хуат начинает тревожиться: «Его все время терзала мысль: он больше не сможет вернуться в Китай, как они мечтали с покойным отцом. Родных там больше нет. Все связи оборвались. ... Никто из его детей не помнил о земле предков, они ее не знали, и она их нисколько не заботила. Только из-за китайского происхождения они и были китайцами»³⁶.

Во всей китайской общине тоже ходят подобные настроения. Люди понимают, что у них нет родины, кроме Малайи, и поэтому видят необходимость создания организаций, представляющих здесь их интересы. Чин Хуат становится председателем местного отделения такой ассоциации и часто взаимодействует с местными малайскими лидерами. Одновременно он начинает понимать, что Ю Сен своей борьбой тоже стремится отстаивать положение китайцев, но делает это разрушительным способом. Его мысли выражает один оратор на заседании организации: «Мы должны объединиться в нацию и сотрудничать с малайцами и индийцами, чтобы сделать эту страну общей для нас, мы больше не вернемся в Китай»³⁷. Возникшая организация, которая «сильно поддерживает правительство»³⁸, явно имеет своим прообразом Китайскую ассоциацию Малайзии, одну из трех главных национальных партий в составе правящего Альянса.

Ю Сен, представитель радикальной части китайской общины, также приходит в развязке к пониманию необходимости межэтнического сотрудничества на благо страны. В этом его уверяет сестра По Эн, в какой-то момент тоже оказавшаяся в его отряде («Я думаю, что путь, которым сейчас идет наш папа, самый верный»³⁹). Сам он тоже убеждается в жестокости и коварстве прежних соратников. Вместе с сестрой он помогает их обезвредить.

К концу романа индийцы также готовы признать Малайю родиной и трудиться на благо страны и общины. Самый образованный человек на плантации Маниама учитель Раман делает для себя такое же открытие, как Чин Хуат: «Он начал понимать, что Индия уже далека от него. Вернись он туда, неизвестно, смог бы он приспособиться к тамошней ситуации или нет... Он осознал, что его настоящее место в Малайе»⁴⁰. С ним согласен сын Маниама инспектор Рамакришнан: «Теперь мы – часть народа этой страны, а если мы не возвращаемся в Индию и хотим сделать эту страну своей родиной, мы должны что-то предпринять ... Сейчас уже есть организации индийцев, которые будут участвовать в определении своей судьбы в этой стране»⁴¹. В данном случае писатель дает прозрачный намек на еще один компонент в составе Альянса – партию Индийский конгресс Малайзии.

Роман заканчивается самым идиллическим образом. Герои сообща празднуют признание независимости страны. Разноплеменной компанией они собираются на торжество 31 августа 1957 года в Куала-Лумпур. Все они заслужили этот праздник, не раз помогая друг другу в тяжелых ситуациях, невзирая на межэтнические барьеры.

С одной стороны, такую концовку нельзя назвать совсем недостоверной. Независимость действительно стала реальностью, и с первых шагов молодого государства у руля в нем стоял многокомпонентный партийный союз, сначала называвшийся Альянсом, а затем преобразованный в Национальный фронт. Три главных этнических группы страны были вынуждены договориться и на протяжении всей истории Малайзии стремиться поддерживать межэтническое равновесие. В этом отношении появление «юбилейного» по духу романа к 10-летию независимости было уместным.

Отвечало оно и искренне патриотическому настрою автора, которому были очень близки национально-освободительные идеи⁴². Этот настрой писатель пронес через всю жизнь. В мечтах он видел народ своей родины сплоченным: в его понимании при колониальной власти китайцы и

³⁶ *Ibid.* Ms. 324.

³⁷ *Ibid.* Ms. 325.

³⁸ *Ibid.* Ms. 330.

³⁹ *Ibid.* Ms. 331.

⁴⁰ *Ibid.* Ms. 323.

⁴¹ *Ibid.* Ms. 323–324.

⁴² В молодости Абдулла длительное время жил и работал в Индонезии на Суматре, откуда родом был его отец (*Mohd. Thani Ahmadetal.* *Wajah. Biografi Penulis.* Kuala Lumpur, 1988. Ms. 80–82]. Там он приобщился к идеям национально-освободительного движения, которые с тех пор присутствовали и в его журналистских работах, и в его прозе.
URL: http://ww1.utusan.com.my/utusan/info.asp?y=2002&dt=0829&pub=utusan_express&sec=time_out&pg=to_01.htm&arc=hive

индийцы были «новыми гражданами этой страны, но британская система правления ... разъединяла их»⁴³.

Стоит принимать в расчет и фактор традиционной малайской лояльности власти. В средневековых султанатах носителем и символом этой власти был правитель, и преданность ему была гарантией поддержания всеобщего равновесия и процветания государства. Именно безграничную преданность воплощают собой положительные герои самых знаменитых произведений малайской литературы⁴⁴. Эта лояльность размывается со временем, но в целом до сих пор остается в глазах малайцев добродетелью. Истый малаец и верный сын Малайзии Абдулла приводит в своем романе к той же идее верности и своих героев. Для малайца Семана это естественно, а вот для китайцев и индийцев, искусственно ограничиваемых в правах, принять такой взгляд на вещи непросто.

Именно здесь реализм Абдуллы дает сбой, хотя исторический фон романа так хорошо разработан в первых трех его частях, что это не сразу заметно. Стремление скрупулезно отразить действительность в развязке романа подчиняется идеализму и идеологии, что сказывается на художественном облике произведения.

Во-первых, создается впечатление, что темп повествования значительно убыстрется, происходит целый калейдоскоп событий. Характер хронотопа уже иной. В предыдущих частях перед читателем разворачивалась жизнь героев в течение многих лет. События подолгу развивались в одной точке пространства. В особо острые моменты время застывало или замедлялось, а затем снова текло с развитием сюжета; для необходимого прояснения причинно-следственных связей происходили возвраты в прошлое. Теперь же время устремляется вперед, сжимается в насыщенные несколько лет кануна независимости. Эпизоды с участием разных героев стремительно сменяют друг друга, из-за чего действие многократно переносится из одного места в другое. Персонажи делаются значительно активнее. Втянутые в бурные перипетии военных лет, они совершают множество поступков, на обоснование и подготовку которых у автора уже не остается текстового пространства.

Вероятно во многом по этой причине для писателя оказывается проще мотивировать действия персонажей уже не через тщательную разработку образов по ходу сюжета, а посредством объяснения их через довольно схематичные размышления или беседы, а иногда – выступления с трибуны. Мировоззрение героев меняется в значительной степени под воздействием этих умозаключений, уже не вытекающая естественным образом из хода жизненных событий, как это было раньше. Это второе заметное отличие четвертой части.

В-третьих, стремительность развития действия оставляет гораздо меньше места для введения в текст красноречивых деталей, делающих картину узнаваемой для читателя, а значит, достоверной в его глазах. Абдулла Хуссейн быстро ведет сюжет к развязке. Не остается места для емких, типизирующих характеристик героев и объектов в виде точно подобранных деталей. К примеру, быт партизанского отряда, в котором сражается Ю Сен, отражен очень скупо. Сообщается лишь о трудностях доставки пропитания и режиме экономии, который нарушается только по самым важным поводам. Однако общей картины военной жизни в джунглях не создается. В этом отношении концовка не просто выделяется, но даже контрастирует с первыми тремя частями.

Наконец, возрастает количество неестественных ситуаций, надуманных «счастливых совпадений». Семан ищет работу и встречается с Маниамом, которого когда-то спас его отец Муса. Дочь Длинного По Эн ночью в панике бежит от грабителей, напавших на их магазин, и ее спасителями оказываются Семан с матерью. Среди полицейских, ведущих допрос арестованного Маниама, обнаруживается его родной сын, которого он никогда прежде не видел. Негодяй Суппия оказывается пособником террористов из отряда Ю Сена и именно туда доставляет похищенного Маниама. В свою очередь, Семан случайно видит сестру Ю Сена, когда она тайно пробирается в отряд, пускает по ее следу полицейских, и Маниама спасают... «Случайностей» слишком много.

В развязке роман больше напоминает приключенческий жанр в идеологизированном варианте, чем реалистическое повествование. По словам одного из малайзийских исследователей, «Сцепка» выказывает «признаки литературного таланта», но главный ее недостаток состоит «в политическом контенте»: для Абдуллы малайцы были «общинной, отмеченной политическим великодушием»⁴⁵, и своей решимостью в борьбе против Малайского Союза подавали пример остальным этническим группам. Один из индийских героев так и говорит: «Малайцы теперь поднялись, и им удалось отстаивать свои права»⁴⁶. По сути, однако, малайское население отстаивало свои права не только в той их части, которая касалась статуса штатов и их правителей. Была не менее важная часть, связанная с болезненными вопросами межэтнических

⁴³ *Ibid.*

⁴⁴ Брагинский В.И. История малайской литературы VII–XIX веков. М., 1983. С.143–157, 333–349.

⁴⁵ *Tham Seong Chee. The Politics of Literary Development in Malaysia // Essays on Literature and Society in Southeast Asia. Political and Sociological Perspectives. Singapore, 1981. P. 226.*

⁴⁶ *Hussain A. Interlok. KL, 1971. Ms. 323.*

отношений. О политическом великодушии здесь говорить трудно.

Так, при создании Малайского Союза планировалось введение единого гражданства, которое распространялось бы на большую часть иммигрантского населения. Взятые вместе китайцы и индийцы, получив право голосовать, должны были превратиться в серьезного политического конкурента малайцев. Последние при этом лишались приоритетного доступа к государственной службе, что означало «неизбежное вытеснение малайцев более образованными и динамичными представителями верхнего и среднего слоев китайской и индийской общин» и «подрывало позиции малайцев в политической жизни, не давая им возможности конкурировать с китайцами в экономике»⁴⁷. Иммигрантское население колонии приветствовало обещанные перемены. У малайцев же они вызвали столь решительный протест, что британцы были вынуждены пересмотреть свои планы. Победа малайского большинства и достижение независимости означало сохранение ограничений в правах китайцев и индийцев как источника значительной напряженности в межэтнических отношениях.

В том, что мечта о межнациональной гармонии в молодой Малайзии была далека от действительности, Абдулле Хуссейну пришлось убедиться очень быстро. Его оптимистический прогноз не оправдался. Меньше чем через два года после того, как роман «Сцепка» был выдвинут на литературный конкурс, страна пережила самое тяжелое потрясение в своей истории. 13–15 мая 1969 г. в Куала-Лумпуре вспыхнули волнения. Экономические проблемы первого десятилетия самостоятельного развития и напряженность между тремя общинами привели к взрыву, спровоцированному результатами парламентских выборов. Китайские оппозиционные партии значительно увеличили свое представительство в Парламенте. В ликовании успеха они не смогли удержать своих членов от издевательств и оскорблений в адрес малайцев. Вспыхнувшие беспорядки по официальным данным унесли 196 жизней (440 человек были ранены), а по мнению наблюдателей, реальные цифры были в 2–3 раза выше. «Этот конфликт вызвал серьезнейшую межобщинную отчужденность и враждебность»⁴⁸. Парламент был распущен, введено чрезвычайное положение. Страна оправлялась от трагедии многие годы, и нормализация положения стоила правительству больших усилий.

Личный опыт человека является одним из источников исторической памяти, внося значительную долю субъективности в создаваемую им картину прошлого, в особенности, не столь отдаленного⁴⁹. Концовка романа Абдуллы Хуссейна отражает его субъективное видение положения вещей, где искренне желаемое очевидно выдавалось за действительное. Однако утопичность развязки нельзя объяснить лишь ограниченностью и фрагментарностью мировосприятия автора. «Основу исторической памяти человека и общества в целом формирует та коммуникационная и информационная среда, в которой он находится: система образования, медийная среда, контролируемые в значительной степени идеологией и рынком. Основным актором, заинтересованным в контроле над исторической памятью, выступает власть ...»⁵⁰. Когда «Сцепка» увидела свет, литературная сфера подвергалась меньшему воздействию коммерции, нежели сейчас, однако идеология не могла не играть огромной роли в мировосприятии общества. Перед молодым государством стояла задача обеспечить общественное единение, которое могло бы сгладить существенные противоречия между этническими группами. Вместе с тем, это единение предполагало политическую гегемонию малайцев и пропагандировалось властями именно в таком виде⁵¹. Роман Абдуллы написан в русле этой пропаганды. Лозунг на злобу дня определил развязку произведения.

В заключение нельзя не упомянуть о дальнейшей судьбе романа. Несмотря на то, что реальные события развенчали излишний оптимизм писателя, художественные достоинства «Сцепки» никто не мог отрицать. В 1996 г. Абдулла Хуссейн удостоился высшей литературной награды Малайзии и звания национального писателя. «Сцепку» включили в учебную программу средней школы.

Казалось бы, счастливая судьба романа вполне определилась, и он занял заслуженное место в истории малайской словесности. Однако жизнь еще раз показала, что тема межэтнических отношений в стране остается очень болезненной. Уже очень пожилой Абдулла получил тяжелый удар. В 2011 г. «роман вызвал прения, поскольку содержит некоторые слова, которые не понравились индийской общине», – так деликатно определила ситуацию центральная малайская газета⁵². Произведение, написанное сорок с лишним лет назад, вызвало всплеск критики и протестов со стороны индийской общины. С подачи

⁴⁷ Тюрин В.А., Цыганов В.А. История Малайзии. XX век. Москва, 2010. С. 180.

⁴⁸ *Ibid.* С. 329.

⁴⁹ Мазур Л.Н. Образ прошлого и формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013, № 3 (117). С. 245.

⁵⁰ *Ibid.* С. 246.

⁵¹ Опорный компонент правящего Национального фронта всегда применял «концепцию гегемонии», доминирования над прочими этническими группами, претендуя на «моральное лидерство» (*Osman Chuah Abdullah. Unity and Harmony in Malaysia: Problems and Challenges // British Journal of Science. July 2012, Vol. 6(1). P. 29).*

⁵² URL: http://ww1.utusan.com.my/utusan/info.asp?y=2011&dt=0316&pub=Utusan_Malaysia&sec=Dalam_Negeri&pg=dn_02.htm

неправительственной организации Фронт борьбы за права индуистов (Hindu Rights Action Force, HINDRAF) писателя обвинили оскорблении немалайцев. Предлогом стало использование в тексте слова «пария». Было заявлено, что индийцы и китайцы в романе дискредитируются и оговариваются. К кампании присоединились оппозиционные организации разного толка. За протестами скрывались чисто политические мотивы: утверждалось, что одобрить введение в учебный план подобного произведения могла лишь власть, пренебрегающая правами национальных меньшинств⁵³. Правительство Национального фронта сначала согласилось на внесение изменений в текст романа, а потом и вовсе убрало его из школьной программы.

Уже очень пожилой Абдулла тяжело переживал и напрасно просил: «Прочитайте как следует!»⁵⁴. Действительно, при всех натяжках и идилической развязке романа обвинить его автора в неуважении к героям разного происхождения никак нельзя. Пожалуй, никто из малайских литераторов ни до, ни после появления «Сцепки» не приложил столько усилий, чтобы глубже узнать культуру и быт этнических групп, которые относились друг к другу заведомо настороженно и даже враждебно. Герои предстают живыми людьми со своими слабостями. Семан благороден и добр, но простодушен, не слишком дальновиден, иногда заносчив и резок. За плечами алчного лавочника Чин Хуата – многие годы каторжного труда и страданий, лишивших его сантиментов. Маниам добр и чист душой, но попадает в беду из-за собственной робости: собираясь жениться во второй раз, он не решается рассказать тестю, что уже был женат в Индии, что легко делает его жертвой клеветы. Абдулла явно и неприкрыто сочувствует своим героям. Прав один из его читателей и заступников, который посетовал на то, что нападки на роман говорят о серьезности положения в стране⁵⁵. Сорок с лишним лет спустя после выхода в печать «Сцепка» выступила своего рода лакмусовой бумажкой, выведя на поверхность большое напряжение в отношениях между народами Малайзии. Вряд ли такое было бы по силам незначительному произведению.

***

По своим художественным характеристикам роман Абдуллы является несомненной вершиной малайского реализма XX в. Он до сих пор остается интереснейшим свидетельством своего времени. Причем отражает он не только общественные проблемы, исторические события, повседневную жизнь, но и типичные заблуждения малайцев относительно состояния дел в стране. Ожидать от лишившихся надежд на равноправие китайцев и индийцев энтузиазма по поводу развития страны по малайскому сценарию было наивно. Во многом именно непонимание этого и привело к страшной вспышке 1969 года. С другой стороны, свою роль играли личные эмоции писателя, для которого независимость воплощала собой самый высокий идеал. Можно заключить, что достоверность отличает произведение на всем его протяжении. Однако в первых трех частях это достоверность историческая и бытописательская. Автор был привержен ей осознанно и настойчиво. Четвертая же часть достоверно, но неосознанно запечатлела идеализм патриотически настроенного образованного малайца. В результате родился роман, реалистичность концовки которого может и должна оспариваться, однако это не помешало «Сцепке» заслуженно занять одно из самых заметных мест в прозе Малайзии XX в.

---

⁵³ URL: https://www.revolvy.com/main/index.php?s=Interlok&item_type=topic
<https://hartalmsm.wordpress.com/2011/03/25/whats-dap-gonna-do-about-interlok/>
<https://blog.limkitsiang.com/2011/06/09/if-history-was-written-by-interlok-author-abdullah-hussain/>

⁵⁴ Azrul Azli Zarul Fuad. Interlok.
URL: <https://beritahusedikit.wordpress.com/2011/01/17/sebuah-penghormatan/>

⁵⁵ *Ibid.*